

Благодер Ю. Г. Тернистый путь на Восток: экспедиция в Китай советника канцелярии В. Ф. Братищева в 1757 году / Ю. Г. Благодер // Научный диалог. — 2021. — № 4. — С. 290—303. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-290-303.

Blagoder, Yu. G. (2021). Thorny Way to the East: Expedition to China of Adviser to the Chancellery V. F. Bratishchev in 1757. *Nauchnyi dialog*, 4: 290-303. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-290-303. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-290-303

**Тернистый путь на Восток:
экспедиция в Китай
советника канцелярии
В. Ф. Братищева в 1757 году**

Благодер Юлия Гариевна
orcid.org/0000-0001-5257-1188
доктор исторических наук, доцент,
blagoder_1@mail.ru

федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Кубанский государственный
технологический университет»

(Краснодар, Россия)

**Thorny Way to the East:
Expedition to China
of Adviser to the Chancellery
V. F. Bratishchev in 1757**

Yulia G. Blagoder
orcid.org/0000-0001-5257-1188
Doctor of History, Associate Professor,
blagoder_1@mail.ru

Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education “Kuban
State Technological University”

(Krasnodar, Russia)

© Благодер Ю.Г., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлены факты, свидетельствующие о намерении Российской империи в середине XVIII века установить равноправные взаимовыгодные отношения с Китаем. Приводятся фрагменты архивных документов (указов, памятных записок, инструкций, рапортов и проч.) об экспедиции курьера В. Ф. Братищева. Основное внимание уделяется анализу документов, в которых представлены описания длительной подготовки дипломатического визита, переговоров В. Ф. Братищева с цинскими чиновниками в Китае. Оценивается степень информативности документальных источников. Документы демонстрируют серьезное намерение российской администрации решить путем переговоров политические и экономические вопросы, которые позволили бы Российской империи усилить свои позиции на Дальнем Востоке. В статье отмечены принципы функционирования административной системы Российской империи середины XVIII века. Автор данной статьи считает дипломатический визит В. Ф. Братищева примером столкновения принципов европоцентризма, которые активно завоевывали позиции в политике российской правящей элиты, и представлений жителей Срединной империи о превосходстве собственной цивилизации, окруженной варварами. Изучение данного исторического события и учет допущенных дипломатических ошибок актуальны как для исторической науки, так и современного политического межгосударственного взаимодействия.

Ключевые слова:

Российская империя; Китай; российско-китайские отношения; российские дипломаты; В. Ф. Братищев; Великая империя Цин.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The facts testifying to the intention of the Russian Empire in the middle of the 18th century to establish equal mutually beneficial relations with China is presented in the article. Fragments of archival documents (decrees, memoranda, instructions, reports, etc.) about the expedition of the courier V. F. Bratishchev are given. The main attention is paid to the analysis of documents, which provide descriptions of the long preparation of the diplomatic visit, negotiations of V. F. Bratishchev with Qing officials in China. The degree of informativeness of documentary sources is assessed. The documents demonstrate the serious intention of the Russian administration to resolve political and economic issues through negotiations that would allow the Russian Empire to strengthen its position in the Far East. The article notes the principles of functioning of the administrative system of the Russian Empire in the middle of the 18th century. The author of this article considers the diplomatic visit of V. F. Bratishchev to be an example of the clash between the principles of Eurocentrism, which were actively gaining positions in the policy of the Russian ruling elite, and the ideas of the inhabitants of the Middle Empire about the superiority of their own civilization, surrounded by barbarians. Studying this historical event and taking into account the diplomatic mistakes made are relevant both for historical science and modern political interstate interaction.

Key words:

Russian Empire; China; Russian-Chinese relations; Russian diplomats; V. F. Bratishchev; Great Qing Empire.

Тернистый путь на Восток: экспедиция в Китай советника канцелярии В. Ф. Братищева в 1757 году

© Благодар Ю.Г., 2021

1. Введение

Прошло 265 лет со времени подписания императрицей Елизаветой Петровной указа Коллегии иностранных дел (май 1756 года) о направлении советника канцелярии Василия Федоровича Братищева курьером в Китай. В научной литературе, посвященной истории взаимоотношений России со странами Востока, этому историческому сюжету уделяется достаточно мало внимания. Между тем, академиком В. С. Мясниковым, Г. И. Саркисовой была проведена серьезная работа по отбору, систематизации и опубликованию документов 1752—1765 годов, хранящихся в Архиве внешней политики Российской империи [Мясников, 2011; Саркисова, 1991; Саркисова, 1993]. Сборник «Русско-китайские отношения в XVIII веке. Документы и материалы. Т. VI» (ответственный редактор академик С. Л. Тихвинский) [Русско-китайские отношения ..., 2011] содержит Указы российских самодержцев, Правительствующего Сената и Коллегии иностранных дел; промемории (памятные записки), направленные из столицы в провинцию; инструкции, запросы административных учреждений, канцелярские цидулы (краткие записки, сообщения, распоряжения); письма, рапорты, докладные записки чиновников и доношения участников дипломатической миссии. Часть материалов касается визита в Китай В. Ф. Братищева.

Несмотря на то, что доступ к уникальным материалам свободен, интерес ученых к данной теме сегодня ослаблен. Как часто бывает, победы одних людей затмевают неудачи других. Исследователи больше внимания уделяют анализу межгосударственных договоров, которые внесли существенный вклад в развитие российско-китайских отношений, продемонстрировав образец «победной» дипломатии. Примером могут служить описания успехов предшественников Л. В. Измайлова, С. Л. Владислави́ча-Рагузинского (первая половина XVIII века) и последователей В. П. Ковалевского, Н. Н. Муравьева, Н. П. Игнатьева (XIX в.) и других.

Представленное исследование отличает детальное изучение документов, касающихся исторических событий середины XVIII столетия. Это позволило, во-первых, представить цельную картину экспедиции курьера В. Ф. Братищева; во-вторых, отметить множество исторических деталей не только о Китае и российской дипломатической миссии в это государство,

но и о Российской империи того времени: организации ее системы управления, особенностях административной практики, способах и проблемах коммуникации в плоскости «столица-провинция», взаимодействия между ведомствами и их служащими, путях решения финансовых вопросов чиновниками, прежде всего, российского Дальнего Востока.

2. Подготовка дипломатического визита В. Ф. Братищева в Китай

Российская империя ставила перед собой амбициозные задачи укрепления своих позиций на Дальнем Востоке. Для их реализации требовалось расширить торговлю и закрепить право беспрепятственно следовать по р. Амур. Кроме того, требовали обсуждения текущие вопросы, в частности, об усилении контроля китайской стороны за действием монголов в приграничных землях. Резолюция Коллегии иностранных дел от 28 июля 1754 года — отправная точка подготовительного этапа новой дипломатической экспедиции в Китай [Русско-китайские отношения ..., 2011, с. 40—41]. Как отмечалось выше, в мае 1756 года императрица Елизавета Петровна подписывает указ Коллегии иностранных дел о направлении российских представителей в Китай. Причем в Указе в первую очередь отмечается необходимость «домогаться у китайского богдыхана присылке сюда посольства» [Там же, с. 42] и, как только это произойдет, отправить в Китай ответное посольство. По мнению российской правительницы, таким должен быть первый шаг на пути установления равноправных дипломатических отношений.

Обязанность возглавить миссию была возложена на В. Ф. Братищева. Судьба этого дипломата примечательна и заслуги его перед Отечеством достаточно велики. Как сын священнослужителя, он имел возможность изучать науки в Славяно-греко-латинской академии. Ознакомление с восточными языками проходило под патронажем Г. Я. Кера в Коллегии иностранных дел. Расширение знаний о Востоке, совершенствование арабского и персидского языков продолжилось в Персии, Закавказье. Карьера складывалась достаточно сложно: взлеты сменялись падениями. После возвращения на родину из Персии он испытывал крайнюю нужду, о чем свидетельствует Доношение, отправленное в ноябре 1752 года в Коллегию иностранных дел [Русско-китайские отношения ..., 2011, с. 32]. Описывая свое нищенское существование, он просил о восстановлении жалования, снабжении средствами для частичного погашения долгов и обеспечения успешного несения службы. Доклад Коллегии иностранных дел императрице Елизавете I содержит подробный рассказ о службе В. Ф. Братищева в Персии, доносах, поступивших на него, и проведенном разбирательстве, восстановившем доброе имя российского резидента при дворе персидского шаха. Указом российской правительницы назначает В. Ф. Братищева советником канцелярии

с ежегодным жалованием 1200 рублей и отдает распоряжение выплатить по 600 рублей жалования за годы, прожитые в России после возвращения из Персии. Впрочем, Штатс-контора не спешила с выплатой денег, ссылаясь на их отсутствие. О разбирательстве этого вопроса свидетельствуют просьба В. Ф. Братищева о помощи, направленная в Коллегию иностранных дел 12 июня 1756 года, прошение Коллегии иностранных дел в Правительствующий Сенат обязать указанное выше ведомство осуществить выплаты, промемория Коллегии иностранных дел в Штатс-контору о намечающейся экспедиции в Китай, участии в ней В. Ф. Братищева и необходимости произвести ему денежную выплату [Там же, с. 45—51].

Вступив в новую должность, советник канцелярии направляется в Китай. Несмотря на ранг курьера, ему вменялись в обязанность не только передача документов, но и решение важных задач: договориться о свободном судоходстве по р. Амур, что имело неоспоримую выгоду для России, а также, получить согласие императора на обучение китайскому и маньчжурскому языкам российских учеников в Пекине и обмен посольствами «для возобновления соседней дружбы» [Там же, с. 36], обсудить приграничные вопросы.

Коллегия иностранных дел серьезно подошла к подготовке предстоящей экспедиции. Принимая во внимание тот факт, что руководитель экспедиции не владел китайским языком, с ним были отправлены переводчик монгольского языка Василий Шарин и Ефим Сахновский, хорошо изучивший китайские язык и традиции во время обучения в IV Российской Духовной миссии в Пекине и службы на кяхтинской таможне. Сопровождать курьера из Селенгинска и обратно и следить за безопасностью должны были селенгинский комендант В. В. Якоби и трое солдат.

Материальное обеспечение было следующим. Все участники путешествия получали жалование за год вперед. Кроме того, курьеру предоставлялись 1500 рублей на содержание за пределами России, и для различных нужд выделялась пушнина, наиболее ценная, чтобы не вызвать насмешки иноземцев, на сумму до 500 рублей. Как свидетельствуют документы, специальные подарки из Петербурга не отправлялись. По усмотрению курьера, одаривание должно было производиться мягкой рухлядью. Согласно ведомости от 20 мая 1757 года, в Иркутском казначействе были получены 51 ангарский соболь и 10 камчатских бобров на сумму 400 рублей 40 копеек по охотским и ангарским ценам (500 рублей по переоценке, произведенной в Иркутске) [Русско-китайские отношения ..., 2011, с. 166]. Поручик В. В. Якоби получил на дорожный проезд и содержание дополнительно 300 рублей. Двум толмачам и трем солдатам сверх годового жалования выдано мягкой рухляди на 30 рублей для обмена на серебро или золото [Там же, с. 78—79, 150]. Об указанных выше средствах, предполагаемых

В. Ф. Братищеву, сообщает и отдельный указ российской императрицы [Там же, с. 44]. Канцлер А. П. Бестужев-Рюмин, чтобы ускорить передвижение членов дипломатической миссии, распорядился выделить почтовые и уездные подводы вместо ямских [Там же, с. 53].

3. Пребывание в Китае В. Ф. Братищева и его свиты

29 августа 1757 года курьер со своей свитой прибыл в Пекин. При себе он имел документы: Листы от Правительствующего Сената к «тамошнему Трибуналу» [Там же, с. 53—54] на русском и латинском языках, свидетельствующие о его полномочиях и содержащие предложения урегулировать возникшие конфликты с монголами (с перечнем убытков, понесенных россиянами), паспорт с государственной печатью и переводом на латинский язык и Инструкцию, выданную Коллегией иностранных дел. Пункт 11 последнего документа требовал «пристойными способами разведывать» [Там же, с. 60] численность войск империи Цин, характер отношений китайцев с джунгарами и местного населения со служителями православной и католической церкви.

В Пекине Российский Посольский двор находился в крайнем запустении, поэтому путешественникам оказал поддержку глава V Духовной миссии архимандрит Амвросий. Он разместил их в кельях православного монастыря. Этот факт войдет в историю плодотворного сотрудничества российских священнослужителей и дипломатов на территории Китая [Благодер, 2009, с. 34—41]. Иноземцы все время находились под пристальным контролем: Посольский двор окружал «многолюдный караул под видом охранения» [Русско-китайские отношения ... 2011, с. 200].

Первый визит 30 августа В. Ф. Братищев, как и полагалось, нанес чиновникам Лифаньюаня или, как именовали европейцы, «Палаты внешних сношений», чтобы вручить официальные бумаги («Листы Правительствующего сената»). Пришлось приложить немало усилий для того, чтобы получить возможность продолжить обсуждение намеченных вопросов с представителями более высокого ранга.

11 сентября В. Ф. Братищев и его переводчики были приняты в летней императорской резиденции Жэхэ. Российский курьер обратил внимание цинских чиновников (в «Журнале бытности в Пекине» он их именуется «алиха амбань, асхани амбань и князь Хутуринга» или «хинские господа министр», «китайские министры») [Русско-китайские отношения ..., 2011, с. 175]), на то, что решение проблемы доставки продовольствия жителям Охотского и Удского острогов и иных поселений российского Дальнего Востока возможно лишь судами из Нерчинска через Ингоду в Амур и далее морем. От имени Правительствующего сената было дано заверение, что в случае, если император разрешит российским судам беспрепятствен-

но следовать по реке Амур, то китайские подданные будут защищены от малейших обид. Далее были представлены факты, свидетельствующие о грабежах, убийствах мирных жителей российских поселений монголами, проживающими на территории подконтрольной империи Цин. Для того чтобы пресечь преступления, российская сторона предлагает установить караулы с двух сторон границы. От имени Правительствующего сената В. Ф. Братищев обратился с просьбой разрешить проживание в Пекине россиян, проявивших желание изучать маньчжурский и китайский языки. Обращение российского курьера к высокопоставленным чиновникам завершилось предложением осуществить обмен посольствами: императрица Елизавета Петровна ожидала посольство империи Цин с поздравлениями по случаю ее восшествия на престол и изъявляла готовность отправить ответное с немалыми дарами. Таким образом, мы видим, что В. Ф. Братищев четко следовал инструкциям, данным ему в России.

Результаты дипломатического визита были неоднозначны. Положительно решился только вопрос о возможности российским ученикам продолжить занятия в Пекине. Отмечалось намерение направить чиновникам в Урге предписание разобраться в сути приграничных ссор между монголами и россиянами. Окончательное решение «пограничного вопроса» предусматривало участие высокопоставленных представителей российской стороны. Решение вопроса о свободном судоходстве на р. Амур, по словам чиновников, требовало серьезного обдумывания и, в связи с этим, откладывалось. В своем Журнале пребывания в Пекине курьер отмечает: пользующийся неограниченным доверием императора министр Фугун интересовался у своего переводчика, российская сторона обращается с просьбой о единовременной милости императора пропустить суда или речь идет о регулярном свободном судоходстве. Безусловно, речь шла о закреплении равных прав, но четкой формулировки в российских документах не было. По мнению о. Сигизмунда, весьма расположенного к В. Ф. Братищеву, цинское правительство опасалось, что северный сосед еще больше укрепит свои позиции на приамурских территориях и, воспользовавшись благоприятной ситуацией, начнет захват земель. В докладе правителю Срединной империи о прошедшей беседе чиновники, опасаясь вызвать его гнев, умолчали о дерзком предложении варваров, какими видели в Китае всех иноземцев, отправить посольство в Россию. В. Ф. Братищеву дали понять, что воцарение российской императрицы произошло слишком давно, 15 лет назад, и нового повода для организации посольства пока нет.

Результаты миссии могли быть более благоприятными, если бы не стоял так остро «джунгарский вопрос». Империя Цин стремилась полностью подчинить Джунгарию и Восточный Туркестан. Оказывая помощь джун-

гарским беженцам, Россия вызвала недовольство императора. Из письма В. Ф. Братищева селенгинскому коменданту В. В. Якоби узнаем о том, что, получив тревожные известия, правитель Китая «пришел в жестокую запальчивость» и грозил прислать к российским границам армию [Там же, с. 198—199]. Несмотря на то, что этот вопрос не был вынесен российской стороной на обсуждение, судя по всему, действия России негативно сказывались на межгосударственных отношениях, в общем, и на данном визите российского курьера, в частности. Кроме того, следует принять во внимание тот факт, что контакты с представителями цинских властей велись с помощью небеспристрастного посредничества иезуитов, скрыто препятствовавших установлению дружественных отношений между приграничными державами.

В Пекине 29 сентября российский курьер был вновь принят в Лифаньюане, где ему был вручен ответный «Лист Правительствующему Сенату». Как требовала давно сложившаяся традиция, курьерам вручались подарки императора. Так, В. Ф. Братищев получил «две коробки серебра весом во сто лан, пять штук разных шелковых материй и два тюня или 24 конца китайки»; И. В. Якоби получил «одну коробку серебра весом в 50 лан, три штуки разных шелковых материй и 13 концов китайки» [Там же, с. 187], серебром и тканями были одарены и остальные члены миссии. В. Ф. Братищев «пристойно благодарил» императора за проявленную милость, «удовольственное содержание» [Там же, с. 187] в столице империи Цин, за подарки.

Вернувшись на родину, курьер представил отчет о расходовании выделенных средств, прежде всего пушнины, предоставленной для одаривания. Согласно отчету Секретной экспедиции Коллегии иностранных дел, 5 соболей были подарены приставу Санлою, согласившемуся пропускать на Посольский двор «надобных людей», 6 соболей — монголам, сопровождавшим российскую экспедицию. Продав оставшуюся рухлядь, В. Ф. Братищев выручил 520 лан серебра (884 рубля) [Там же, с. 224]. Судя по длительной переписке, дальнейшая судьба этого серебра вызовет интерес различных ведомств. Бумаги довольно долго, причем неоднократно, будут «кочевать» из Кяхтинской таможни в Сибирский Приказ, далее в Коллегию иностранных дел, Правительствующий Сенат и обратно. Причиной неприятного разбирательства послужил рапорт директора Кяхтинской таможни Еремея Владыкина о том, что серебро В. Ф. Братищевым не было указано в росписи. Между тем вывезенные из Китая вещи были оценены и отмечены клеймом, за них была выплачена пошлина. Серебро находилось вместе с иными вещами, но досмотрено не было. Впоследствии глава миссии передал его В. В. Якоби на сохранение до получения дальнейших инструкций. Как писал В. Ф. Братищев в Коллегию иностранных дел, таможня, проводя досмотр, «не всю свою должность исправила»,

а на него «сомнение возымела» [Там же, с. 226]. Чтобы сохранить свое доброе имя, советник канцелярии просил Коллегию иностранных дел сообщить об истинном положении дел в Правительствующий Сенат, откуда ранее поступил указ разобраться, как и для чего было вывезено серебро. Опрос всех участников инцидента показал, что произошла «неумышленная оплошность». Убытки казна не понесла, и расследование этого дела завершилось благополучно. Анализ документов позволяет представить бюрократическую Россию XVIII века, в которой царила строгая иерархия, отсутствовала самостоятельность служащих в принятии решений даже по малозначимым вопросам, велась длительная переписка между ведомствами, замедляющая темп политической жизни. Ускорение ведению дел придавало лишь личное вмешательство императрицы и Правительствующего Сената. Документы свидетельствуют о том, что в стране уживались аккуратность в ведении дел и служебная халатность.

4. Заметки о Китае, составленные курьером В. Ф. Братищевым

Впечатления российского курьера от поездки были им отражены в Журнале экспедиции, Доношении в Коллегию иностранных дел, а также литературном сочинении «Осведомление или некоторое поверение Вольтеровых о Китае примечаний, собранное в краткую бытность в Пекине». В. Ф. Братищев дублирует известные ранее сведения из истории Китая, делает пометки о местных достопримечательностях (например, Великой Китайской стене) и бытовой архитектуре.

На фоне идеализации Китая всемогущего цинского правителя Айсинь Цзюэлю Хун Ли в Европе XVIII века считали примером просвещенного монарха. В. Ф. Братищев же отметил в нем весьма горячий темперамент, гордость, склонность к тирании, жестокость к подчиненным. Впрочем, все китайцы и маньчжуры получают нелестную характеристику: «гордыми мнениями надуты», так как считают свое государство центром мира, «по застенелости и упрямству» не признают высокий статус правителей других стран [Там же, с. 201].

Несомненную ценность представляет информация об особенностях организации китайской административной системы. В документах присутствуют сюжеты о службе местных чиновников. Достаточно подробно характеризуются функциональные обязанности и принципы вознаграждения представителей чиновничества каждого класса. Автор отмечает, что полиция «в исправности состоит <...> весьма крепко смотрит, чтобы нигде <...> бесчинств не происходило <...> продерзости строго унимают» [Братищев, 2011, с. 337].

Автор «Осведомления» подчеркивает высокий уровень научных знаний в империи Цин, перечисляет астрономические инструменты

Пекинской обсерватории, описывает своеобразную систему книгопечатания.

Российский курьер описал духовную жизнь восточной страны. Уделено внимание истории становления и основным принципам конфуцианства, его влиянию на функционирование административной системы. Многие из того, что не соответствовало привычной русской традиции, а именно: религиозный синкретизм, сложные иероглифы, необычное звучание музыкальных инструментов — российский путешественник оценил негативно.

В «Осведомлении» описываются монеты и бумажные деньги, присутствует характеристика отдельных элементов китайской экономики: отмечаются отсутствие купеческих компаний, наделенных императорскими привилегиями, и наличие широкой сети таможен для сборов пошлины.

В документах, направленных В. Ф. Братищевым в Коллегию иностранных дел, а также в «Осведомлении» Китай предстает малопривлекательным. Российский курьер отмечает отдельные детали, касающиеся вопросов политики, дипломатии, беря за основу собственные наблюдения, а исторические заметки, описания быта, элементов местной культуры черпает из трудов Вольтера. Незатейливые характеристики китайской жизни, несмотря на свою содержательную неполноценность и простоту, все же позволили автору воссоздать достаточно широкую картину жизни Китая середины XVIII века. Впрочем, подобные яркие, но поверхностные описания внесли немалый вклад в формирование в просвещенных умах российского общества идеализированного образа Китая.

Многие китайские и маньчжурские слова (имена политических деятелей, географические наименования), даты исторических событий, которые записал российский курьер, были впоследствии исправлены И. К. Россихиным. Как предполагал востоковед, ошибки были допущены из-за незнания В. Ф. Братищевым китайского и маньчжурского языков и получения сведений от европейских миссионеров.

Непростая экспедиция В. Ф. Братищева в Китай завершилась. Изучив привезенные из Пекина документы, Коллегия иностранных дел отметила ее низкую результативность, о чем незамедлительно уведомила Правительствующий Сенат. По мнению исследователей архивных материалов того времени, вероятно, именно это обстоятельство повлияло на дальнейшую карьеру В. Ф. Братищева. Несмотря на богатый опыт, он был отстранен от дипломатической работы и продолжал службу в Штатс-конторе, а затем — в Юстиц-конторе.

5. Заключение

Анализ документальных материалов показал, что в Российской империи середины XVIII века присутствовал интерес к установлению взаимовыгод-

ных отношений с Китаем, но неудача миссии В. Ф. Братищева продемонстрировала отсутствие желания российской элиты считаться со спецификой китайского мировосприятия. Мы видим выразительный пример столкновения во внешней политике принципов европоцентризма и китаецентризма. Не был в должной степени учтен опыт предшественников (Л. В. Измайлова, С. Л. Владиславича-Рагузинского). Как отмечает профессор Н. А. Самойлов, «на протяжении длительного исторического времени дихотомия “Китай — варвары” являлась важнейшим элементом модели мира, в которой китайский император воспринимался правителем» [Самойлов, 2019, с. 116]. Российская сторона не приняла должных мер для достижения успеха. Следует отметить, что на курьера, не обладающего широкими полномочиями, были возложены посольские обязанности. В Китае церемонии приема послов «варваров» придавали большое значение. Не последнюю роль играло поднесение «дани». Зная об этом, в России сочли, что курьерская миссия вполне допускала невысокий чин ее главы, малочисленность свиты, отсутствие особых знаков внимания по отношению к правителю империи Цин (к примеру, отправку даров). В результате визит В. Ф. Братищева цинской элитой был воспринят как малозначащее событие. В свете сказанного становится понятно, почему цели установить равноправные отношения, получить согласие на свободное судоходство по р. Амур достигнуты не были, а просьба вновь принимать российских учеников, желающих познать основы китайского и маньчжурского языков, не противоречащая политике по отношению к данникам, была удовлетворена. Европейская практика показывала, что обмен посольствами может способствовать установлению равноправных дипломатических отношений, но Китай в середине XVIII века следовал своим традиционным принципам [Самойлов, 2006, с. 114—121]. Кроме того, проблема расширения геополитического влияния уже начала заявлять о себе. Как отмечалось ранее, столкновение интересов («джунгарский вопрос») негативно сказалось на результатах экспедиции 1757 года.

Не стоит исключать и субъективные факторы. Обратим внимание на личность российского курьера. Бесспорно, В. Ф. Братищев имел солидный дипломатический опыт. Но была ли его кандидатура удачной для решения серьезных задач в Китае? Он не владел китайским или маньчжурским языками, не разбирался в тонкостях китайской внешней политики, во многом полагался на протекцию европейских миссионеров, не учитывая того, что они вели свою игру и не желали усиления позиций России. Четкое следование инструкциям, полученным на родине, свидетельствует о его исполнительности и осторожности, что является немаловажным для дипломата, но этого оказалось недостаточно. Европейцы достигли в Китае большего результата благодаря хитрости, таланту завязывать полезные знакомства,

плести интриги, проявлять щедрость по отношению к цинским сановникам, способным оказать содействие. Анализ документов показал, что практически всю пушнину, выделенную специально для удовлетворения текущих нужд и одаривания местных чиновников, В. Ф. Братищев выгодно продал и вырученные средства вернул в российскую казну. Как отмечал в Журнале экспедиции российский курьер, он ожидал, что после вручения ответных «Листов» цинские чиновники прокомментируют их содержание, но это не произошло. Надежда курьера на откровенность чиновников свидетельствует о непонимании им специфики местной дипломатической традиции. Однако следует учитывать, что в середине XVIII века большая часть населения Российской империи вообще не имела представления о дальневосточных землях и Китае, а в сознании представителей элитарных кругов образ Китая формировался на основе весьма искаженных сведений, поступавших из Европы, и экзотических изделий китайского декоративно-прикладного искусства, занимавших особое место в интерьерах императорских резиденций и дворцов знати. Согласие возглавить экспедицию в столь отдаленное и малоизученное государство говорит о неординарных личностных качествах В. Ф. Братищева, его решительности и смелости.

Коллегией иностранных дел была проведена большая подготовительная работа по сбору информации, которая могла бы пригодиться курьеру, но не было сделано главное: не дана объективная оценка потенциала Китая, не проведен анализ достижений и ошибок предшественников. Подводя итог, назовем те факторы, в которых следует искать корни дипломатической неудачи миссии 1757 года: во-первых, европоцентристский подход российских правителей к ведению внешней политики; во-вторых, игнорирование критических замечаний русских (российских) послов XVII — первой половины XVIII века в Китае и принятие идеализированного образа этого восточного государства, созданного европейцами; в-третьих, отсутствие в России дипломатов, владеющих языками народов Центральной и Восточной Азии, хорошо знающих их историю и традиции, понимающих специфику цинской дипломатии.

Между Российской империей и Великой империей Цин как сопредельными державами должны были сложиться и складывались «особые» отношения. Анализ посольских экспедиций XVIII столетия, в том числе и В. Ф. Братищева, показал, как тяжело Россия искала свой дипломатический путь в Китай.

Источники и принятые сокращения

1. *Братищев В. Ф.* Осведомление или некоторое поверение Вольтеровых о Китае примечаний, собранное в краткую Братищева бытность в Пекине / В. Ф. Братищев //

Русско-китайские отношения в XVIII веке : документы и материалы. Т. 6. 1752—1765 / отв. ред. С. Л. Тихвинский. — Москва : Памятники исторической мысли, 2011. — С. 331—339.

2. *Русско-китайские* отношения в XVIII веке : документы и материалы. Т. 6. 1752—1765 / отв. ред. С. Л. Тихвинский. — Москва : Памятники исторической мысли, 2011. — 429 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Благодер Ю. Г.* Роль сотрудников Русской духовной миссии в Пекине в формировании представлений о Китае в российском обществе XIX в. / Ю. Г. Благодер // Известия Алтайского государственного университета. — 2009. — № 4—1 (64). — С. 34—40.

2. *Мясников В. С.* Русская дипломатия и Китай (середина XVIII века) / В. С. Мясников // Русско-китайские отношения в XVIII веке : документы и материалы. Т. 6. 1752—1765. — Москва : Памятники исторической мысли, 2011. — С. 7—23.

3. *Самойлов Н. А.* Изучение истории социокультурного взаимодействия России и Китая: традиционные подходы и новые парадигмы / Н. А. Самойлов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. — 2006. — № 4. — С. 114—121.

4. *Самойлов Н. А.* Эволюция представлений о китайском миропорядке и даннической системе в эпоху Цин / Н. А. Самойлов / XXX Международный конгресс по востоковедению и историографии стран Азии и Африки : к 150-летию академика В. В. Бартольда (1869—1930). 19—21 июня 2019 г. : материалы конгресса. — Санкт-Петербург : НП-Принт, 2019. — С. 116—117.

5. *Саркисова Г. И.* Братищев В. Ф. и его миссия в Пекине в 1757 г. / Г. И. Саркисова // Проблемы Дальнего Востока. — 1993. — № 3. — С. 135—147.

6. *Саркисова Г. И.* Российский дипломат В. Ф. Братищев / Г. И. Саркисова // Общество и государство в Китае : тезисы докладов XXII научной конференции. — Москва : Восточная литература, 1991. — № 3. — С. 102—118.

MATERIAL RESOURCES

Bratishchev, V. F. (2011) Information or some belief of Voltaire's about China notes, collected in a brief Bratishchev stay in Beijing. In: *Tikhvinsky, S. L. (ed.). Russian-Chinese relations in the 18th century: documents and materials. 1752—1765.* Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli. 6: 331—339. (In Russ.).

Tikhvinsky, S. L. (ed.). (2011). *Russian-Chinese relations in the 18th century: documents and materials. 1752—1765.* Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli. 429 p. (In Russ.).

REFERENCES

Blagoder, Yu. G. (2009). The role of the staff of the Russian Spiritual Mission in Beijing in the formation of ideas about China in Russian society in the 19th century. *Bulletin of Altai State University, 4—1 (64):* 34—40. (In Russ.).

Myasnikov, V. S. (2011). Russian diplomacy and China (mid. XVIII century). In: *Tikhvinsky, S. L. (ed.). Russian-Chinese relations in the 18th century: documents and materials. 1752—1765.* Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli. 6: 7—23. (In Russ.).

- Samoylov, N. A. (2006). Studying the history of socio-cultural interaction between Russia and China: traditional approaches and new paradigms. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 9. Philology. Oriental studies. Journalism*, 4: 114—121. (In Russ.).
- Samoylov, N. A. (2019). Evolution of ideas about the Chinese world order and tributary system in the Qing era. In: *XXX International Congress on source study and historiography of Asian and African Countries: To the 150th anniversary of academician V. V. Bartold (1869—1930): congressional notes*. St. Petersburg: NP-Print. 116—117. (In Russ.).
- Sarkisova, G. I. (1991). Russian diplomat V. F. Bratishchev. In: *Society and state in China: abstracts of reports: XXII scientific conferences*. Moscow: Vostochnaya literatura. 3: 102—118. (In Russ.).
- Sarkisova, G. I. (1993). Bratishchev V. F. and his mission in Beijing in 1757. *Far Eastern Affairs*, 3: 135—147. (In Russ.).